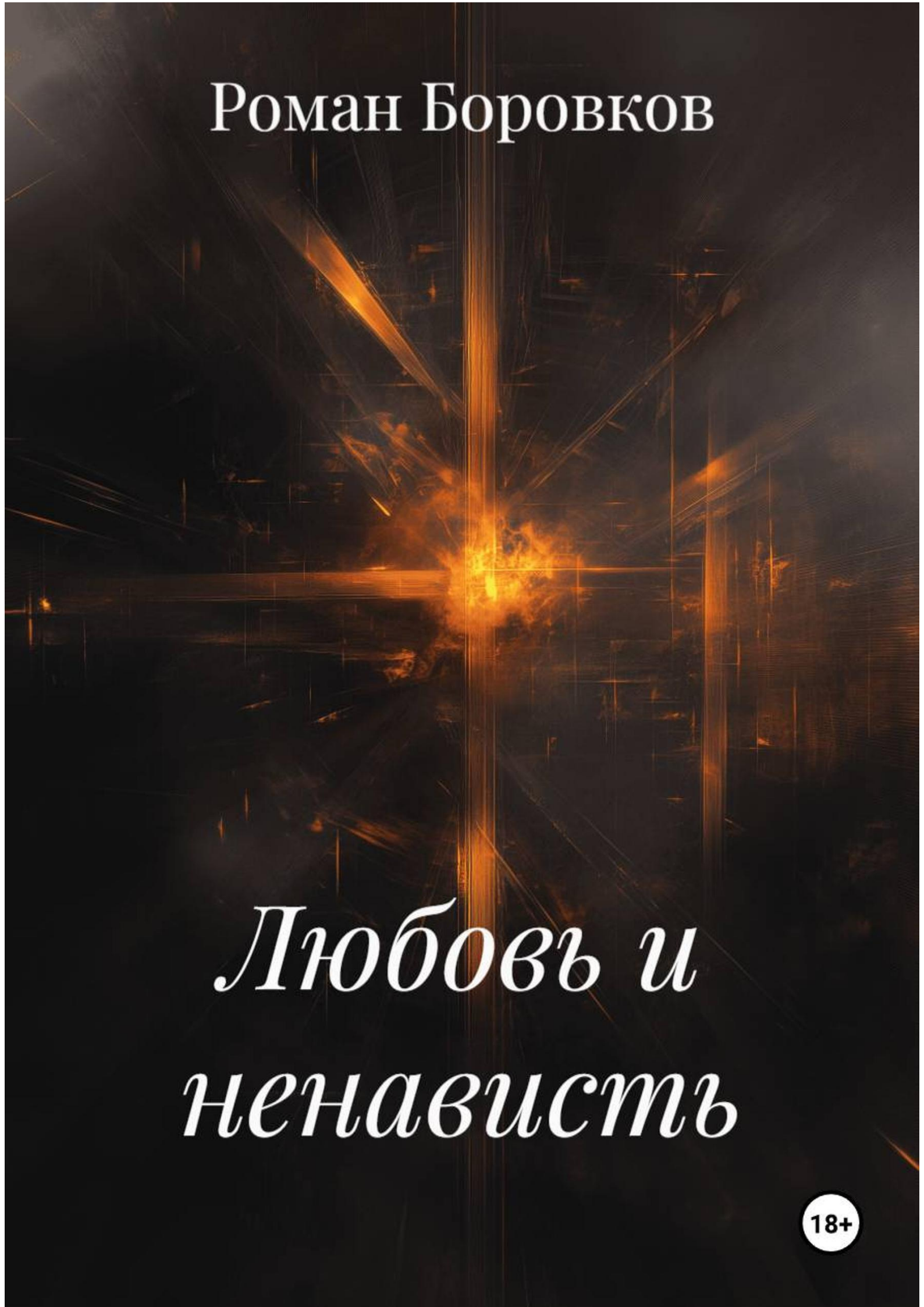

Роман Боровков

*Любовь и
ненависть*

18+

Роман Боровков

Любовь и ненависть

«Автор»

2026

Боровков Р. А.

Любовь и ненависть / Р. А. Боровков — «Автор», 2026

Бесконечные войны между королями привели мир Этерниса в полную разруху из-за постоянного голода, многочисленных эпидемий и разорения казны. Король Эридана Кнут Виндсор никак не пытается изменить ситуацию в своём королевстве — отчасти из-за психической нестабильности и недееспособности, из-за чего доверие свиты и граждан с каждым днём всё ухудшается, а время смуты приближается всё ближе. Именно поэтому часть аристократии решила создать «Аркану» — тайный орден, готовящий революцию. Тем временем простой человек по имени Леон Фрей оказывается в центре событий. Его отправляют на фронт сражаться за своё королевство, исполнять свой долг. Леон до конца не знает, чего хочет от жизни, и, пытаясь отыскать смысл в огне войны, узнаёт об ордене «Аркана». Присоединится ли он к ним или, напротив, останется предан своему королевству? Этот и многие другие вопросы будут сопровождать вас на всём его пути. Пройдите и вы этот путь вместе с Леоном — от любви до ненависти.

© Боровков Р. А., 2026

© Автор, 2026

Роман Боровков

Любовь и ненависть

Глава 1. Осада

Дождевые капли все громче стучали по железным латам солдат, и грязь под ногами становилась все более вязкой. Именно сквозь непогоду армия Королевства Эридана пробиралась к замку Сецессия. Главной целью всего похода являлось освобождение крепости от узурпаторов, посмевших бросить вызов королю в не самый простой час для Эридании.

Войско шло в едином обмундировании: железные кирасы на которых был выгравирован горноста́й, коричневые шоссы без какой-либо защиты носили поверх обычных льняных штанов, а ноги обуты в высокие кожаные сапоги. У каждого солдата была кирасирская каска с красным гребнем, а на поясе крепилась сабля, сделанная из ивильнийской стали.

Измотанная армия уже целый месяц добиралась до этой крепости, а та все не показывалась на горизонте из-за чего волнение в строю с каждым часом только возрастало, особенно у конницы. Тяготы, которые преследуют солдат с самого первого дня лишь росли: суровая дисциплина коменданта, которая доходила до бессмысленной жестокости в наказаниях, постоянный голод, изнурённость, и необъятный первородный страх неизвестного. Все это давило на них с каждым днём все сильнее и сильнее. Такой настрой безусловно создавал трещину в строю: один срывался на друга и лез в драку, другие пускались в мародёрство, а третьи шли самовольно. Исход для всех был один - немедленная казнь на месте. Хотя они и понимали, что за этими действиями последует наказание, но психика солдата словно заставляла нарушать устав снова и снова - как это случилось и сейчас.

Ничем не примечательный мужчина резко вышел из конного строя и направился в центр армии, попутно что-то бубня себе под нос. Разглядеть его лицо было практически невозможно, из-за его длинных чёрных волос. Подойдя уже ближе к центру войск, солдат начал размахивать руками и что-то выкрикивать. Мало кто мог разобрать его слова за шумом проливного дождя. Но если прислушаться, то можно услышать его низкий, властный голос - и в нем слышался гнев и возмущения.

- И как долго все наши мучения будут продолжаться? — с возмущением выкрикнул солдат. - Мы идём без остановки уже три чертовых дня! Все уставшие, оголодавшие, и просто замученные под надзором коменданта да командира, - в голосе мелькнула надежда, что все невзгоды прекратятся.

- Ты бы помолчал и вернулся в строй - оборвал его конный - Не то комендант быстро избавит твою шею от головы.

Сказал военный, на вид уже старый и бывалый на полях брани.

Мужчина обвёл взглядом солдат:

- Если вам угодно, то молчите, а я вот не собираюсь терпеть все это! Мы солдаты, а не животные, что ведут на убой!

Резко замолчав, мужчина увидел, как к нему с другого конца строя скачет комендант, не жалея свою кобылу. Он прищипывал её чаще, чем успевал вздохнуть. Обременённый тяжким предчувствием взгляд бунтовщика застыл на сабле. Комендант медленно доставал её из ножен.

Не слезая с лошади, он начал выносить приговор к казни за нарушение дисциплины. Приготовясь к исполнению наказания, комендант предвкушал как рассечёт горло бунтовщику, и занеся саблю над плечом, он уже видел кровь, которой ещё не было. Но тут в дело вмешался полководец Карл.

Обычно этот молодой и неопытный командир не влезал в такие разборки и старался держаться от них подальше. Но почему-то в этот раз он решил вмешаться: может, ему всё это порядком надоело, а может, он хотел прекратить бунты раз и навсегда. А может, у него были и свои причины на этот счёт.

Прервав коменданта, он настоял, что разберётся с этим лично.

— Как тебя зовут? — спросил полководец, слезая с вороного коня.

— Адам, — ответил мужчина. — Ты пришёл убить меня лично? Или тебе от меня что-то нужно?

— И да и нет, — неторопливо, с удивлением проговорил Карл. — Почему ты решил стать бунтовщиком?

— У меня попросту нет иного выбора, — Адам посмотрел ему в глаза.

— Я всегда борюсь за правду и справедливость.

— Какое совпадение, — ухмыльнулся командир, а вслед за ним — и комендант. — Эридан тоже борется за правду и справедливость. Выходит, наши интересы сходятся. Но ты бунтуешь против своего королевства?

— Я бы никогда не предал родину, — уверенно и гордо проговорил Адам. — Я сопротивляюсь лишь вам и вашему командованию.

— Разве ты не боишься смерти за свою дерзость?

— Не стыдно умереть за правое дело.

— Перед твоей смертью я спрошу лишь одно, — Карл произнёс это с презрением, заранее зная, что ответ уже неважен. — В каких богов ты веришь?

— Авиан — единый бог, который существует в этом бренном мире.

— Ха, — Карла это и вправду позабавило: он не верил ни в каких богов.

— Знай, на войне нет богов. Есть лишь суровая реальность.

— Ты ещё удивляешься, почему против тебя бунтуют, — дерзко выкрикнул Адам. — Ты командир лишь по названию. Ты не уважаешь свою армию — так почему она должна уважать тебя?

— Легко так говорить на твоём месте. Ты даже не представляешь, сколько трудных решений мне приходится принимать каждый день, — продолжил Карл. — Думаешь, я хочу, чтобы моя армия голодала? Думаешь, я хочу, чтобы они так страдали? У меня, как и у тебя, нет иного выбора.

Адам промолчал.

Карл решил для себя всё и подал знак коменданту. Тот ударил Адама под колени — и он рухнул в грязь. Полководец достал из ножен саблю и начал зачитывать приговор. Но тут Адам выкрикнул:

— Карл, я вызываю тебя на рипост!

С давних времён в королевстве Эридан был обычай поединков, и он так полюбился знати, что те учредили особый бой — Рипост. Это не просто дуэль. Это дуэль до смерти: вызвать противника мог кто угодно, а отказаться было нельзя — разве что ценой чести. Конечно, знать эти правила не соблюдала: отказывалась, а то и помогала своим. Возразить им никто не смел, и так тянулось долго. Следил за этим народ: чем больше свидетелей, тем вернее соблюдались обычаи. Но всё это — негласные устои, а не закон. Законных правил у рипоста было всего два. Первое: бой строго один на один, и всякий, кто вмешается, будет казнён. Второе: поединок идёт до тех пор, пока один из двоих не умрёт. Лишь один мог выйти из схватки живым.

Адам выждал момент не случайно: кто лучше армии в шесть тысяч душ подтвердит поединок? Карл задумался. Он не испугался — скорее был ошеломлён. Даже опытные рыцари не решались вызывать на дуэль, а тут простой солдат осмелился. Скорее всего от безысходности.

Пока он стоял и осмысливал это, к нему подошёл комендант.

— Командир, вы вправе отказаться. Перед вами жалкая мразь — принять от него вызов будет позором. Он не стоит вашего внимания. Отдайте приказ, и я казнь его на месте.

— И каким ты будешь командиром в глазах своих солдат, если не примешь вызов? — сказал Адам давящим, уверенным голосом. — Испугаешься дуэли — подожмёшь хвост и в настоящей битве.

— Командир, не ведитесь на его жалкую провокацию, — торопливо проговорил комендант. — Он хочет посеять сомнения в армии и в вашей доблести.

Карл всё ещё стоял и думал. Но спустя мгновение он пробежал глазами по ближайшим отрядам и увидел, как солдаты смотрят на происходящее с удивлением и настороженностью, а у некоторых был такой взгляд, будто они готовы убить его на месте. Он понял: откажется — потеряет доверие солдат, и восстание станет неизбежным.

Поэтому он откинул плащ и хладнокровно сказал:

— Я принимаю рипост.

— Но... но, командир, разве это не...

— Молчать! Я принял решение, — перебил коменданта Карл. Он никогда не поддавался на лесть — и в этот раз тоже.

Они встали в пяти метрах друг от друга. Солдаты сомкнулись кольцом — замерли, не дыша. Ливень хлестал по железным кирасам, с гребней касок срывались струи, и вода уже стояла в колее под ногами. Адам и Карл вынули сабли, подняли клинки остриём к лицу. Дождь стекал по лезвиям.

Адам ударил первым. Раз, другой — пауза. Ещё раз, ещё — пауза. Он бил по одному образцу: короткие, точные выпады, потом передышка. Расчёт был прост: вымотать, дожидаться ошибки — и разом покончить. Но сапоги вязли в размокшей земле, каждый шаг приходилось вырывать из грязи, и ритм сбивался сам собой. Карл не поддавался. Он встречал каждый выпад, отбивал удар за ударом, и сталь звенела, перекрывая шум ливня. Изредка он огрызался контратакой — короткой, без завершения.

Адам не ожидал такого. Карл почти не нападал: только защита, только сталь о сталь. Надо было что-то менять. И Адам сменил ритм — вместо паузы занёс саблю из-за правого плеча. Вода брызнула с клинка, грязь чавкнула под сапогом. Ещё немного — и он нашёл бы брешь, завершил бы манёвр и выиграл.

Но годы тренировок с лучшими фехтовальщиками не прошли зря. Карл разгадал его с самого начала. Он шагнул влево — клинок прошёл мимо, рассекая дождь, — и перед ним открылся фланг. Один удар в подмышку. Адам согнулся от боли, потерял контроль, открылся. Карл коротким движением перерезал ему горло.

Кровь хлынула вместе с дождём — горячая, тёмная, и вода тут же унесла её в грязь. Бой был проигран в одно мгновение. Адам рухнул лицом в размокшую землю, и жижа жадно приняла его, забиваясь в рот, в нос. Он захлебнулся собственной кровью — и дождём, и грязью, что уже ничем не отличались друг от друга.

Карл смахнул кровь с клинка, убрал саблю в ножны и обвёл взглядом войско.

— Понимаю ваше негодование. Все мы устали, оголодали — и всё вокруг угнетает. Я понимаю вас как никто, хоть вам так и не кажется. Я, как и вы, голодаю, устаю... — он перевёл дух, — ...и раздражаюсь не меньше любого из стоящих рядом. Но это надо вытерпеть. Не ради меня и не ради коменданта — ради вашего дома, ради Эридана, ради семьи! И не подпускайте близко таких, как Адам: они скажут что угодно — и вонзят нож в спину при первой возможности.

Армия ответила гулом одобрения. Отряд двинулся дальше, и по дороге только и говорили об этом поединке — громче всего в коннице.

— Так и знал, что всё это доведёт его до беды, — устало, но уверенно проговорил молодой солдат. На вид ему было за пятьдесят, а говорил, что всего сорок, — но выдавали волосы, давно седые. В его знаниях и мудрости не сомневался никто — разве что Клемен, молодой, русый, с небольшими усами, энергичный и местами нахальный, что вечно с издёвкой обращался к «старому Луи», как он его и называл.

— Ты вечно всё знаешь, старик. Может, скажешь, куда делось моё вчерашнее пиво? — сказал Клемен с усмешкой.

— Очень смешно. Когда ты умрёшь в первом же бою, я обязательно выпью за упокой, — рассержено произнёс Луи и начал злиться — хотя это было ему не свойственно.

— Скорее уж я тебя помяну. Только ты до поля битвы не доедешь: сердечный приступ в твоём возрасте — ой как опасен. Береги себя.

— Хватит! Луи хоть и немолод, но боец и стратег знатный. Готов поставить свой дом на то, что в бою выживет именно Луи, — сказал Эдмунд, — он хотел было почесать лысину — привычка, — но рука наткнулась на шлем. Пришлось погладить бороду. Ещё один солдат, не такой опытный, как Луи: в бою не бывал, но на военной службе считался одним из лучших.

— Ага, так когда мне заселяться? Ну вы, конечно, умеете шутить, спору нет. Скажи вы, что Луи сражается лучше самого Морвена, — я бы умер со смеху. Вот тогда бы ты, старик, и победил.

— Ну я, конечно, владею искусством войны не как Морвен, но явно не хуже него, — с гордостью сказал Луи и посмотрел на Клемена и Эдмунда.

— Ты давай прекращай, а то и правда отправишь меня в могилу своими речами, — сказал Клемен.

Потом он перевёл взгляд на товарища рядом и окликнул его с усмешкой:

— Эй, Леон, а ты что молчишь? Опять всю ночь снились кошмары? — съязвил он.

— Нет. Вспоминал, как ты на учениях поранил руку, пока доставал меч, — с ухмылкой ответил Клемену Леон.

Леон был самым младшим из их четвёрки — всего двадцать два. Чёрные, как ночь, волосы, худое лицо, а глаза сегодня смотрели куда-то мимо.

Луи расхохотался. Эдмунд подхватил:

— А я помню, как тебя, Клемен, на проверке перед комендантом протащило за лошадью! Ты тогда показал, как умеешь ездить верхом!

Все снова рассмеялись. Луи, отсмеявшись, повернулся к Леону:

— А помнишь, Леон, тот случай на речке? Как ты...

Не успел он закончить, как все уже покатались со смеху. Смех невозможно было сдержать — хохотала даже колонна, что шла позади. — Ладно, хватит ржать как кони! — выкрикнул Эдмунд, чтобы слышали все. — Не надо его обижать. Он мне родной братец, пусть и не по крови. — Он приобнял Леона.

К удивлению Эдмунда, все замолчали. Но ненадолго: тишину разбил Луи.

— Ты и вправду какой-то молчаливый сегодня. Что-то случилось? — Нет, ничего, всё в порядке, — немного взволнованно проговорил Леон.

Луи сразу заметил. — Тебя явно что-то беспокоит. Скажи, не держи в себе. — Откуда тебе знать, что меня беспокоит, а что нет? — уже резко сказал Леон. — Не учи дедушку кашлять! Давай рассказывай.

— Ладно. Я всё думал о том бунтовщике: зачем он так поступил? Разве он не понимал, что это верная смерть? — Не знаю. Вероятно, у него были свои причины. — Что тут понимать-то? Он явно один из ордена Аркан, — сказал Клемен. — Ой, только не говори, что ты в них веришь! Этот тайный орден — просто сказка для запугивания, — резко бросил Эд. — Разве? — переспросил Клемен. — А как же. Ты сам посуди: скрытная шайка убийц, творящих лишь добро и, самое главное, ради блага народа. Слишком приторно, не находишь? Очередная сказка для военного времени. — Возможно. Но не забывай: они хотят освободить нас от гнёта Кнута Виндсора. Его беспомощность всех достала. Люди мрут как мухи, а он что делает? Правильно — ничего. Сидит в своём замке, и всё. — Говорят, он сходит с ума на троне, — добавил Луи. — Весело, ничего не скажешь, — сказал Клемен. — Много чего могут говорить. Скорее всего, это просто слухи, которые как раз и распространяют Арканы. А насчёт «освобождения» — это очередные революционеры, выскочки из селян, никак иначе, — сказал Эд с уверенностью. — Что плохого в том, что нас «освободят» от Кнута? Его правление и правда бездарно,

— добавил Леон.— Это означает, что будет революция, — твёрдо сказал Эд.— И что? — искренне удивился Леон.— И то, что будет море крови. Невинные будут гибнуть тысячами. Брат пойдёт против брата, и каждый будет по-своему прав! — сказал Эдмунд как предупреждение.— Но если предводитель восстания победит, его правда восторжествует.— Возможно. Только стоять он будет на вершине черепов тех, кто умрёт из-за его «освобождения».— Люди и сейчас умирают. Так какая разница, где именно — на войне или в революции? — настойчиво спросил Леон.— Слушай, ты так говоришь, будто ты один из революционеров, или как их... В революции участвуют лишь самонадеянные глупцы, а на войне мы боремся за свою родную землю. — Эд запнулся, подбирая слово.— Аркан, — подсказал Клемен.— Да, точно, Аркан. Если я узнаю, что ты вступишь в них, — пеняй на себя! — прокричал он Леону.— Будь спокойней, Эд. Может, ты и не хочешь революции, но если Арканы и вправду существуют, то это лишь вопрос времени. И ты никак на это не повлияешь, мой друг, — сказал Клемен, встав на сторону Леона.— Я так и не понял, чем тот бунтовщик возмущался? — спросил Леон.— Скорее всего, сошёл с ума от голода и до конца не понимал, что делает, — сказал Луи.— Брехня это всё. Голодаем мы одинаково — так почему же не перерезали друг другу глотки? — с усмешкой сказал Клемен.— На каждого по-разному влияет, дурень, — сказал Луи.— Моя версия: это член ордена Аркан. Всё ведь сходится — он выждал момент, когда можно попытаться убить нашего любимого командира Карла. Но у него ничего не вышло, — сказал Клемен с уверенностью, полностью веря в свою идею.— Ладно, давайте не будем об этом. А помните, как... — плавно увёл от темы Эдмунд, потому что не хотел говорить о будущем, впрочем, как и всегда.

После двух дней непрерывного марша из-за холма показался замок Сецессия. Не передать словами, что почувствовали солдаты, когда наконец достигли долгожданной цели — и могли передохнуть, хоть и недолго.

Замок прижимался к скалистому склону, словно вырастая из него. Его толстые, высокие зубчатые стены могли выдержать натиск целой орды — по крайней мере, так говорили в народе. Но точным было одно: башни. Их было не счесть, и они вздымались к небу, словно хотели подняться над всем миром. Вся эта защита оказалась бы бесполезной без главного.

Это, конечно же, великие врата Сецессии. На первый взгляд они непримечательны и уязвимы — но в том и уловка. Их и вправду можно разрушить за считанные часы. Вот только за ними — потайные стены и ловушки, с помощью которых здесь полягут целые легионы.

За всеми этими сооружениями прятался небольшой городок — тысячи на две душ. Но главной ценностью, ради которой все стремились завладеть замком, было не стратегическое расположение и не неприступность, а роскошный дворец у скал. Поговаривают, в нём сокрыто нечто необычное. Спорят разное: кто-то считает, что там спрятан волшебный артефакт, кто-то — что дворец живой. Но это лишь слухи. А для королей — отличный повод к войне.

Первое впечатление Леона от замка было разочарованием. По рассказам, крепость славила небесной красотой: стены из белого камня, словно из снега, а крыши башен переливались золотом на солнце. Ворота манили узорами, красивыми арками и белокаменной дорожкой, что вела прямо к замку.

А на деле Леон увидел вместо белых стен сплошной мрак. Ни единый луч не отражался от стен, и сама атмосфера здесь давила. Чёрные стены словно сжимали замок со всех сторон, а башни внушали ужас. В общем, Леон возненавидел это место с первого взгляда.

Как только армия встала у замка, Карл приказал осадить его. Солдаты обложили крепость со всех сторон и принялись возводить осадные укрепления.

Три дня подряд солдаты выматывались как никогда — всё из-за бесконечной работы. Леон с Эдмундом рыли третью траншею за день — каторга, но всё же легче, чем Клемену и Луи: те без остановки рубили лес, а потом возводили частокол и дозорные башни. Легче всех пришлось тем, кто ставил лагерь: конюшни, палатки, склады и осадные парки. Им не приходилось месить грязь в траншеях, и работа была не в пример чище.

За эти дни лагерь на небольшом холме был готов. Карл решил дать солдатам отдых и устроил вечерний пир.

Пища на столах была отнюдь не королевская, но люди радовались и этому. Набить брюхо до отвала — уже пир.

Возле крохотных синеватых палаток сидел Леон и всё никак не мог дожидаться, когда Клемен закончитстряпню, что так долго варилась в его котле. Спустя пару минут Клемен закончил и, прежде чем накладывать еду, окликнул Леона:— Эй, Леон, ты что тут без дела сидишь?

— Не без дела... Я с нетерпением жду твоего хрючева.

— Оно тебе ещё понравится — добавки попросишь, вот увидишь. Только прежде чем отведать мой кулинарный «шедевр», сходи за Луи. Он сидит на северной стене... как обычно. — Хорошо, — недовольно сказал Леон.

Закатив глаза, он пошёл за Луи. Старик сидел на деревянном уступе, что выступал за стену, и, глядя на замок, что-то бубнил себе под нос. Леон подошёл и сказал:— Пойдём в лагерь, нас уже ждут... — Тихо! — перебил его Луи и стал вслушиваться в лес неподалёку. Потом сказал спокойнее: — Волки рыщут возле нашего лагеря уже давно.

Леон сел рядом и сказал уверенно, даже с гордостью:— Не переживай так. Стены укроют нас, мы в безопасности.— Я не боюсь волков. Просто это примета: встретишь волка — жди

знака.— Знак? И какой же?— Всё зависит от того, зачем волк пришёл к тебе. Обычно они приходят к тем, кто идёт по тёмной стезе. Но бывают и другие причины. Приходят не для того, чтобы загрызть, — наоборот, предупредить. Скоро случится беда, и её не избежать. По преданиям, это наказание Немфоморы за твои деяния.— Но я не совершал ничего дурного. За что меня наказывать?— Я тоже ничем таким не занимался. Думаю, это предупреждение не для нас... хотя кто его знает.— И для кого же тогда?— Не знаю. Но если поразмыслить: война между королями на Этернисе идёт сто двадцать лет. Как думаешь, сколько за это время убили невинных? Сколько страданий война принесла каждому живому существу?— Несчётное множество.— Вот именно. Пришло время платить за грехи.— Почему наши? Это не наши грехи, и не нам за них платить — а королям, что всё это затеяли.— Солдат на то и солдат, чтобы искупать грехи своего короля. К сожалению, жизнь устроена именно так. И потому эта ноша выпадает таким простым ребятам, как ты.— Не этого я хотел, — тихо сказал Леон и отвёл взгляд.— Никто этого не хочет. Но мы оказались там, где должны были. С какой целью ты воюешь?— Ни с какой. В том-то и дело: меня, как и всех остальных, просто притащили на службу, — расстроено сказал Леон.— И чего же ты хочешь от жизни? Отправляться на фронт без всякой цели? Разве не было момента, когда ты понял: вот оно — то, ради чего стоит жить?— Не знаю. Вся жизнь я лишь выживал в трущобах, скитался с места на место. Мне некогда было об этом думать. Отправляясь на войну, я надеялся, что хоть здесь найду цель. Но пока всё тщетно.— В том-то и твоя проблема.

Леон удивился и непонимающе посмотрел на Луи.— Ты пытаешься найти цель в жизни, а нужно искать смысл.— В чём, собственно, разница?— Цель — как лестница. Пока ты поднимаешься, вершина кажется самой желанной. Но достигнув её, ты перестаёшь ощущать прежнее рвение. Смысл — это то, ради чего ты хочешь подниматься по этой лестнице снова и снова. Надеюсь, ты сможешь отыскать для себя смысл.— Да... я тоже, — задумчиво ответил Леон.

В этот миг он и вправду задумался, в чём для него смысл и кем он приходится в этом мире. Луи, вставая с уступа, сказал:— Пойдём в лагерь, там нас, наверное, ждали.

Леон промолчал — он был погружён в мысли, что тревожили его сильнее всего. Луи ничего не сказал, развернулся и медленно пошёл к остальным. Но не прошёл и пары метров, как Леон окликнул его:— Я хотел спросить ещё кое о чём.— Да, конечно, — остановившись, ответил старик.— У твоей приметы должна быть обратная сторона монеты, не так ли?— Ты прав, как я мог забыть. Обратная сторона гласит: встретишь оленя — значит, идёшь по правильной стезе, и жизнь благоволит тебе. Стремись всегда увидеть оленя, а не волка. Ну что... идём?— Идём, — уверенно и с надеждой сказал Леон.

Когда они подходили к костру, у которого уже сидел Эдмунд, ещё издали было видно, как Клемен суетится и накладывает только что приготовленную еду в деревянные миски, от которых давно пахло затхлостью. Ничего особенного в ней не было — обычная овсяная каша на воде, щепотка соли да ложка масла. Но солдатам она казалась необыкновенно вкусной.

Усевшись на бревно рядом с Эдмундом, Клемен спросил Луи о том, что волновало его больше всего, — хотя виду он не подавал:— Как там замок?— Всё как обычно. Ни один огонь не мелькнул в крепости с начала осады, — ответил Луи, жуя кашу.— Выходит, мы осаждаем замок, в котором ни души? Нам говорили иначе: мы идём с благой целью — освободить Сецессию от узурпаторов. А что в итоге?— Не переживайте. Они, скорее всего, засели внутри и боятся показаться. Жалкие трусы, — ответил Эдмунд.— Необычная стратегия, — заметил Клемен.— А вдруг их и нет в замке? Пока мы добирались, они могли скрыться в горах и лесах. Если так — нападут с тыла, — сказал Леон.— Не волнуйтесь. Наш командир хоть и молод, хоть и неопытен, но в войне понимает. С тыла нас защищает такая же стена, как и перед нами, и охрана там всегда начеку, — ответил Эдмунд.— Ох, наслушался я ваших догадок. Как вы ещё не поняли: в замке сидит Вэйл со своей армией, — уверенно сказал Луи.— Мог бы и поинтереснее что-нибудь придумать, — с усмешкой сказал Клемен.— Смешно тебе? А ты

посуди: всё сходится. Ни единого огня, ни писка со стороны замка — с тех пор, как мы начали осаду. Что тут думать-то? Это Вэйл, — с ужасом выговорил он это имя. — Луи, я понимаю, ты всё-таки немолодой. Но я думал, до маразма тебе далеко. — Простите, я не понимаю, о каком Вэйле вы говорите? — спросил Леон. — Если вкратце, это просто страшная сказка для детей. Причём стара, как мир, — сказал Эдмунд. — Просто сказка? Это наша история, которая до сих пор живёт, — сказал Луи. — Впервые вижу: старый человек, а мудрости как у ребёнка. Я ещё в десять лет перестал верить в сказки. Пора бы и тебе научиться, — сказал Клемен. — Ладно хватит, пусть будет так как он хочет. У каждого свои взгляды, и он может верить во что угодно. Мы за это никого не принижаем, — сказал Эдмунд гордо и в то же время спокойно. — Я совсем забыл, что ты из Сантильеров, — уничижительно сказал Клем. — Давай не будем об этом, — тихо, но с угрозой сказал он Клемену.

Клемен промолчал, отвёл взгляд от Эда и сказал: — Луи, раз ты так много говоришь про Вэйла, может, и расскажешь эту «историю»? Я заодно вспомню детство, а Леона просветишь. — Да, конечно, — радостно сказал Луи, отложил миску и начал рассказ.

— Давным-давно, ещё в Тёмную эпоху, существовало Меаркурское королевство, а столицей его был, конечно же, замок Сецессия. В нём правил один из лучших королей того времени — Годфри. О его мудрости и благородстве до сих пор слагают легенды, а его примеру учатся. К владыке, как и ко всем смертным, старость подобралась неожиданно. — Тебе это, должно быть, знакомо, — сказал Клемен Луи.

Луи промолчал, неодобрительно посмотрел на Клема и продолжил. Клем впервые испугался его взгляда, отложил пустую миску и стал слушать дальше.

— Потом Годфри решил объявить наследником любимого младшего сына — Хэдли. Болдрик, старший сын короля, был оскорблён решением отца, но виду не подавал. Король умер, и на престол взошёл Хэдли. Но править ему пришлось недолго: в ту же ночь после коронации Болдрик проник в покои молодого короля и перерезал ему горло — так неумело, что тот успел проклясть брата. На вечные муки — и на то, что тот никогда не станет великим королём, как Годфри.

Естественно, Болдрик не придавал этому значения. И вот через год-другой дела в королевстве пошли совсем плохо. Все напасти обрушились на Меаркурию. Вспомнив о проклятии, Болдрик в панике стал искать волшебников по всему Этернису. И вот однажды к нему пришёл колдун в чёрном плаще и пообещал снять заклятие — всего за королевскую кровь. Король не колеблясь согласился. После ритуала ему стало плохо — он, лёжа на полу, бился в конвульсиях. Колдун обманул Болдрика и выдвинул условия: расколдует, если тот отдаст всю королевскую казну. Король снова доверился и принял условия. После того как его расколдовали, он стал жить. Но был один нюанс: он стал призраком — бесплотным существом, обречённым бессмысленно влачить существование.

Такой исход Болдрика не устроил. Он искал способ вернуть себе облик — и после долгих поисков отыскал заклинание. — Луи содрогнулся и замолчал. — Что... что за заклинание? — с интересом спросил Леон. — Он должен был забрать души у пары тысяч человек — и тогда на время обрёл бы облик. Где взять столько душ, как не в родном городе? Забрав души жителей, он снова стал королём, а его подданные превратились в нежить, что бесцельно служат ему целую вечность. Эриданцы прозвали его Вэйлом — так имя и прижилось. — И что же с ним теперь? — спросил Леон. — По преданиям, он появляется в Сецессии раз в год со своей армией и ищет новые души.

Леон ничего не сказал. Только посмотрел на замок — чёрный, безмолвный — и почувствовал, как по спине ползёт холод. Если в легенде есть хоть часть правды, то за стенами сейчас не узурпаторы. За стенами — мёртвые.

— Интересная сказка, — сказал Клем. — Но на правду мало похожа. — Это было давно. Может, что-то и приукрашено, но суть не меняется, — сказал Луи. — Лео, как тебе эта история?

Веришь в неё? — с интересом спросил Клем, ожидая ответа. — Думаю, в ней что-то есть. Хотя таких историй и правда много. — Всё с вами понятно. Верите в легенды. А настоящая война — далеко не то, что в книжках пишут. Нет никакой магии, нет призраков. Есть лишь бесконечная смерть на полях и смрад от трупов, — со злостью сказал Клем. — Откуда тебе знать? Ты ещё не был ни в одной битве — а уже делаешь выводы. Во всякой легенде может оказаться частица истины, — сказал Луи спокойно и неторопливо. — Я согласен с Клемом. Война куда суровее, чем о ней говорят, — сказал Эдмунд. — Вот... вот хоть один разумный среди нас, — Клемен одобрительно кивнул Эдмунду. — Ты же участвовал в битвах, Луи. Как оно на самом деле?

Луи ответил строго и резко: — Все битвы, в которых я был, заканчивались слишком быстро. Противники отступали, едва увидев поражение. — Больше говорить об этом он не хотел, и это было видно. — Завтра мы это и узнаем, — тихо, невзначай сказал Леон. — В каком это смысле? — удивлённо и быстрее всех отозвался Эд. — Сегодня я слышал, как Карл советовался с комендантами. Они хотят завтра начать первое наступление на Сецессию, — встревоженно сказал Леон. — Так быстро... Ну и дела. Давайте не будем о войне, — сказал Эдмунд. — Верно. Не о войне. Какие у вас планы после войны? — с интересом спросил Клемен.

Луи усмехнулся: — Дожить до завтрашнего утра. Вот мой план. А там видно будет.

Все неловко засмеялись.

Спор о Вэйле угас сам собой, растворившись в ночной тишине. Кто-то принёс ещё дров, кто-то попросил добавки каши. На время они перестали быть солдатами и стали теми, кем были всегда. Простыми людьми, которых волновали простые вещи — и, конечно же, родной дом, о котором они готовы были говорить днями напролёт. Говорили о том, что останется с ними, даже если завтра они не проснутся. Когда костёр погас, они не заметили, как наступила ночь.

Ночь для Леона выдалась бессонной — после разговора у костра он так и не сомкнул глаз. Всю ночь он ворочался и потому оставался настороже. Это пригодилось: спустя пару часов после пиршества он услышал протяжный звук. Сигнальный рог эриданцев — тревога.

Леон выбежал из палатки в одной рубашке и, осмотревшись, увидел хаос. Град стрел обрушился на лагерь. Свист бил по ушам, а когда стрелы падали — становилось хуже: горящие палатки раздували огонь быстрее ветра. Ошеломлённый, Леон замер, глядя в небо. Но Эдмунд подошёл сзади и привёл его в чувство:— Твою мать, Леон! Чего ты стоишь? Иди вооружайся... быстрее!

И сам побежал к стойке с бронёй и оружием. Обмундировавшись, Леон вернулся к Эдмунду, вокруг которого собрались товарищи. Вскоре подошёл комендант:— Всем в конюшни, живо!

По дороге Эдмунд спросил коменданта:— Давно они напали?— Только что. Хотя на восточные ворота напали чуть раньше, — озадаченно ответил маршал.— Сколько у них людей? Как они вооружены? — настойчиво допытывался Эдмунд.— Не знаю, сколько их, даже приблизительно. Но наши ряды точно проредили.— Намного?— А ты сам оглянись.

Эдмунд окинул взглядом казармы и увидел, как многие солдаты лежат в грязи, застреленные стрелами, другие — заживо сгоревшие — скорчились в палатках. А остальной лагерь всё больше охватывало алое пламя.

Пока они шли к конюшне, к ним присоединился Луи:— Я еле выбрался из такого дерьма, что вам и не снилось!— Я всегда знал, что ты не пропадёшь, Луи. А Клемена не видел? Он должен был быть с тобой, — встревоженно сказал Эдмунд.— Я думал, он с вами... Не переживайте: такой выскочка, как он, не пропадёт.

Как только они пришли к конюшне, командир поторопил их. Воины быстро оседлали лошадей. Готовые к бою, они двинулись за комендантом к тыловому выходу. Обойдя лагерь и поднявшись на холм, комендант заговорил:— Карл приказал зайти врагу в тыл. Мы это и сделаем. Лагерь в огне, внизу — наши павшие товарищи, что даже не успели поднять меч! Нас немного, но мы не просто изменим ход битвы — мы перепишем её исход! Отомстим за наших собратьев! Заставим их пожалеть о содеянном!

Воодушевлённые солдаты ждали приказа. С холма было видно, как многотысячная армия штурмует пылающий лагерь. Оттуда доносились только крики и стоны умирающих. Армию было видно, но разглядеть, кто там, мешала тёмная ночь. Комендант не отдавал приказа атаковать: он увидел, что к нему скачет подкрепление. Это был Клемен с выжившими солдатами, ещё способными воевать. Как только все были в сборе, комендант крикнул во весь голос:— Во имя Эридании... в атаку!

В ту же секунду конница клином ударила во врага. Под звон мечей, стоны умирающих и треск пылающего лагеря она тараном влетела в первый отряд.

Леон взял саблю и направил её вперёд — готов был сразить первого же врага. Но лошадь рухнула на полном скаку: в неё попала стрела. Леон вылетел из седла и кубарем покатился по земле. В глазах потемнело, адреналин ударил в кровь.

Он поднялся, подобрал саблю и огляделся — но из-за пепла и дыма ничего не было видно. Только рядом, в двух шагах, тяжело хрипела его лошадь. Она попыталась подняться, повела головой — и снова упала. Стрела торчала у неё из шеи, кровь заливала землю. Через мгновение она затихла.

Леон стоял, не в силах отвести взгляд. Первый бой, и он уже без коня, в самой гуще, один. Он сжал рукоять сабли так, что побелели пальцы.

— Леон!

Он обернулся. Эдмунд, весь в крови, бежал к нему сквозь дым, расталкивая обезумевших солдат. Подбежал, схватил его за плечо:— С тобой всё в порядке, братец?— Да... вроде в норме. Ты-то как? Выглядишь паршиво... весь в крови, — замедлено и тревожно сказал Леон. — Не переживай. Кровь не моя — лошади. Я наскочил на копьё и вылетел из седла. Ты уже видел врага?— Нет. А что?— Это армия Вэйла. Всё, что говорил Луи, — правда.— Не может быть. Ты не бредишь?— Нет. Сам всё увидишь.— Где Клем, Луи, комендант?— Я только тебя встретил. Идём, мы должны сражаться.— Против нежити?— Леон, мы дали клятву королевству — биться за неё до самой смерти. Исполним же наш долг!— Я даже не знаю...— Вперёд! Мы должны действовать, или нас просто убьют! Не тупи, Леон!— Хорошо... пошли.

Леон с Эдмундом двинулись в бой. Оказавшись в гуще, они увидели страшное. Леон остановился. Ноги не шли. Скелеты в человеческий рост рубили и кололи всех, кто приближался. Убить их было почти невозможно. И вид их был страшен: из глазниц и ртов шёл зелёный дым. Говорят, это душа, заточённая в нежить.

На Эдмунда сразу побежали два скелета. Замахнувшись, они чуть не достали его, но от одного удара он увернулся, а другой парировал саблей.

Пока Леон смотрел на скелета, не веря своим глазам, на него напал другой. Удар он не успел парировать — попытался увернуться, но меч нежити всё же достиг цели и рассёк живот. Их клинки прорубали даже броню — Леон понял это слишком поздно.

Леон пошатнулся. Раны он сначала не заметил — и рухнул в ров.

Скелет не стал добивать — побежал к следующему. Лёжа в грязи, Леон почувствовал боль — словно внутренности рвались наружу. Он засунул руку под кирасу, нащупал влагу, посмотрел на пальцы — тёмная кровь.

Он пополз вперёд — туда, откуда можно было выбраться. Но в глазах темнело. Он хотел подтянуться на руках — и вскрикнул. Боль рванула так, что перед глазами вспыхнуло белое. Он сам не заметил, как потерял сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.